

Галина Юшкова

ПЯТЬДЕСЯТ ОДИН ГОД ЛЮБВИ

Воспоминания о Геннадии Юшкове

Галина Юшкова

**Пятьдесят один год
любви. Воспоминания
о Геннадии Юшкове**

«Издательские решения»

Юшкова Г. Е.

Пятьдесят один год любви. Воспоминания о Геннадии Юшкове /
Г. Е. Юшкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855396-7

Это удивительная книга, где через историю семьи рассказана история коми литературы, история советской интеллигенции и история страны с середины XX века и до наших дней. Книга содержит большое количество материалов — писем, статей, речей, высказываний Геннадия Юшкова и его окружения, что делает ее ценным историческим свидетельством. Личный, лиричный тон текста позволяет погрузиться в реальную жизнь людей того времени и понять чувства и мысли уходящей социальной природы — советской интеллигенции.

ISBN 978-5-44-855396-7

© Юшкова Г. Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пятьдесят один год любви Воспоминания о Геннадии Юшкове

Галина Евгеньевна Юшкова

Редактор Юлия Геннадьевна Юшкова-Борисова

© Галина Евгеньевна Юшкова, 2017

ISBN 978-5-4485-5396-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Это книга о любви. О том, как она проявляется в каждодневной жизни, как она изменяет эту каждодневную жизнь и изменяется сама, приобретая мощные и уверенные черты.

Это книга об истории XX века России как истории одной семьи, жизнь которой описана в подробных деталях.

Это книга об удивительном человеке, который взял на себя ответственность за целый народ, хотя бы и небольшой по численности, и сделал для этого народа все, что было в его силах.

Это книга об искусстве, о том, как оно появляется в мире через конкретных людей, о том, что при этом думают и что чувствуют эти люди и те, кто находится рядом с ними. О том, насколько много искусства в жизни тех семей, через которые оно приходит в мир.

Это книга о женщине, дочери, жене, матери, бабушке, которая поставила любовь к своей семье на первое место в своей жизни. О том, как эта любовь проживала историю страны через историю семьи.

Это книга о большой любви женщины к удивительному человеку, через которого в мир пришло большое искусство и большое добро.

В этой книге много искренних и резких высказываний. В ней есть нелюбовь как фон, оторочка любви. Она не любит тех, кто не любит Его.

Нелюбившие могут написать свою книгу о себе и о Нем, и о том, как они на самом деле его любили, потому что не любить было невозможно.

Это книга о любви, и это хорошая книга, потому что все хорошие книги, на самом деле, о любви...

Юлия Юшкова-Борисова

Глава 1

«Вспоминать прошлое – это как ягоды собирать. Нагнулся за одной ягодкой, а в глаза бросилась вторая, пятая, десятая, и уже не остановиться. Все берешь и берешь...»

Г. Юшков

Он был очень скромный человек и никогда не рассказывал о своей жизни. Мне хочется сказать о нем несколько слов, начав с его детства и юности.

Отец Геннадия скончался за три месяца до рождения сына, мать Анна Васильевна работала в колхозе, а за ребенком присматривала ее старшая сестра, уже пожилая женщина, очень строгого характера. Зато мать сына безмерно любила и чрезвычайно баловала. Зимой, по вечерам она рассказывала ему сказки, которые часто сама и сочиняла, если все известные ей сказки были уже несколько раз рассказаны.

Ее неволшебные сказки ему нравились больше, потому, что они были про такую же жизнь, какая была у него. А жизнь эта ему очень нравилась, вот только тетка Фекла сильно ругалась, когда он приходил домой весь в грязи, если, например, ловил руками в оставшейся после половодья луже мальков.

Справа – мать Геннадия, Анна Васильевна Юшкова, слева —тетя, сестра матери – Мария Васильевна Юшкова, 1922 год

На фотографии четырехлетний Денадеюшко, как ласково звала его мать, сидит на стуле с гармошкой в руках. Гармошка – гордость матери: такой в деревне нет больше ни у кого из детей. На нем парадная одежда, сапоги на-вырост. На лице – напряженное ожидание: как это – фотографироваться? И любопытно, и страшновато. В то же время, похоже, он не слишком доволен, что его так нарядили, да и сидеть ему уже надоело.

Геннадий, четыре года, 1936 год

Когда кончилось младшее детство, Гена стал очень внимательно присматриваться к окружающим, и особенно, к своим товарищам: кто добрый, кто жадный, кто честный, кто вороватый, кто надежный друг, а кто и предать может. И всегда делился с матерью своими наблюдениями. Не очень разговорчивая с людьми, она выслушивала и помогала разобраться в детских спорах и характерах, при этом всякий раз говорила, что если кто-то плохо поступил, то это не значит, что он совсем плохой, в другой раз он поступит верно. Гена всю жизнь помнил эти разговоры с матерью.

Примерно в километре от деревни на небольшой запруженной речке стояла водяная мельница. После уборки урожая и обмолота зерна жители, в основном мужики, ехали сюда на лошадях, нагрузив повозки мешками с зерном, молоть муку. Гену, как и всех мальчишек, привлекала мельница. Особенно желанным было провести там ночь. Если муку молола молодежь, парни безжалостно прогоняли мальчишек, и расстроенный Гена очень медленно шел домой. А мужики, и особенно старики, никогда не гнали ребят, оставляли даже ночевать, с условием не мешать работе и разговорам.

Сначала на мельнице говорили о сегодняшних делах – у кого что уродилось, когда отелится корова, сколько думают намолотить муки. Следом шли разговоры о завтрашнем дне, и только потом начиналось самое интересное: старики и мужики вспоминали старое, охоту, рыбную ловлю, поездки за Камень с артелью и многое другое. Неспешно шлепали шлицы колес, мерно текла вода, мололась мука. Мальчишек понемногу тянуло ко сну, но вот кто-то из стариков начинал рассказывать сказку, у всех загорались глаза, и не только у мальчишек. Эти разговоры и сказки и тянули Гену на мельницу. Мать сердилась:

– Ты хоть бы предупредил, что пойдешь туда с ребятами, а то уж чужие люди сказали: «Не волнуйся Анна, твой сын на мельнице. Жив – здоров».

Гена старался предупреждать мать, но часто так получалось, что ребята шли на мельницу, когда ее не было дома.

* * *

Большим потрясением стало для него замужество матери. Он сразу повзрослел, отчима же так и не принял сердцем. Мать вышла замуж в конце 1940 года, в августе 1941 года отчим ушел на войну, через месяц погиб, а через три месяца после его гибели родилась сестренка, о которой Геннадий ненавязчиво заботился всю жизнь.

* * *

Гена рано научился читать. Мама подарила ему к 7-летию «настоящую книгу», роман Василия Юхнина «Алая лента»:

– Помню, как у себя в деревне, на печке, я, семилетний мальчишка, зачитывался этим романом, зримо представляя себе охоту в нашей парме – тайге.

Учиться в школе Гене было не так интересно, но учился он хорошо.

С дисциплиной у него тоже все было в порядке. Первые четыре года это была школа в родном селе Красное. Она размещалась в обычном деревенском доме, разделенном на две половины, в одной учились 1 и 3 классы, а в другой – второклассники и четвероклассники. Когда первоклассники, что занимались по соседству, только начинали читать и путались, Гена, который был уже в третьем классе, всеми силами старался им подсказать. В школе он никогда не дрался, сверстники его любили, особенно девочки.

Первая учительница Гены Нина Егоровна Изъюрова отмечала его способности и говорила матери Гены: «Геннадия голова ведет к большой дороге, вы не мешайте ему, помогайте».

С пятого класса Гене пришлось учиться в Часово и жить там в общежитии. Каждый понедельник, рано утром вместе с другими ребятами шел он в школу за 13 километров и тащил на себе продукты на неделю. Осенью дорога была особенно плохой – глинистая, скользкая, в нескольких местах она проходила через ручьи, заложенные бревнами, сквозь которые сочилась вода. Кроме еды мама давала ему 10 рублей. На эти деньги можно было два раза сходить в кино, купить буханку белого хлеба и съесть ее сразу.

Первые школьные годы совпали с Великой Отечественной войной, гибелью отчима и началом работ в колхозе, так что от многих детских забав и развлечений приходилось отказываться. Каждое лето Гену назначали «пастушить» – пасти коров или телят. С годами прибавились и домашние работы в огороде и по хозяйству: заготовить дрова, починить забор, колодец вычистить, а то и выкопать новый на огороде, окно подновить, – дел в деревне всегда хватает. И еще он начал ходить на охоту по своему родовому «путику».

Семилетку Гена заканчивал в Часовской неполной средней школе. В выпускном классе пришла к нему первая любовь. Девочка училась в одном классе с ним. Высокая, стройная, с красиво посаженной головой и гордой, неспешной походкой она пленила Гену своей уверенностью и независимостью. Он посвятил ей два чудных стихотворения: «Девочка с косичками» и «Часово – пристань».

После седьмого класса Гена заодно с друзьями поехал в Воркуту поступать в горный техникум. Мальчишки провалились на экзаменах, а его приняли. Год учебы в техникуме, вдали от родной деревни, а главное, от матери, стал для Гены тяжелым испытанием. Кроме того, его, четырнадцатилетнего деревенского мальчишку, очень испугали шахты. После каникул он в техникум не вернулся.

Учиться дальше Гена не хотел, он устал от голодной учебы в Часово, от года вдали от дома в Воркуте, но матери угрозами и уговорами удалось заставить его пойти в 9 класс.

В 12-ой школе Сыктывкара его хотели принять только в 8-й класс, но он стоял на том, что программу восьмого уже прошел в воркутинском техникуме, и директору пришлось с ним согласиться.

Анна Васильевна сняла ему угол, сколько могла, помогала деньгами, и стала возить продукты из деревни. Зимой эта святая женщина рано утром выходила из дома, впрягалась в приготовленные с вечера большие санки с продуктами – мороженым молоком, морожеными ягодами, соленой капустой и картошкой – и отправлялась в свой 50-ти километровый путь пешком, поскольку автобусы в то время не ходили. Она шла берегом реки через Парчег от деревни к деревне, часто по снегу, без дороги.

В первый день проходила половину пути, ночевала у знакомых в Койты-Боже или в Слободе, куда хватало сил пойти, а наутро шла дальше и к вечеру второго дня доходила до Сыктывкара. Гена очень ждал её. Мать готовила ему ужин, кормила досыта, до ночи они говорили, а утром Анна Васильевна снова готовила, чтобы еды хватило на несколько дней, и уходила в любую погоду домой той же двухдневной дорогой.

Во время летних каникул Гена, как правило, работал в совхозе пастухом, на сенокосе, помогал матери в огороде и по хозяйству. А длинными, летними вечерами – гулянки с гармошками, танцы, посиделки с парнями и девушками. Гена принимал в этих развлечениях самое активное участие, правда никогда не танцевал, считал, что не умеет. Когда в старших классах школы начал писать стихи, охотно читал их своим сверстникам на этих посиделках. Его всегда просили почитать, особенно девушки. Мальчишки, правда, считали это баловством, но слушали внимательно.

Серьёзно писать стихи или, как он говорил, «заниматься сочинительством», Гена начал в десятом классе, и это стало мешать ему учиться, даже по литературе пошли тройки. Годы спустя, на одной из встреч выпускников учительница литературы сказала: «Вот уж никогда

не думала, что Геннадий станет писателем». На что один из бывших учеников заметил: «Ну, это уже не о нем речь, а о вас». В девятом-то классе у Гены почти по всем предметам были пятерки, и педагоги говорили, что ему стоит готовиться к медали: если не золотую, то уж серебряную – точно получит. Но в аттестате зрелости у него стоят тройки по русскому языку и литературе, да еще и по алгебре, правда, по всем остальным предметам – четверки.

Когда Гена учился в десятом классе, ему исполнилось 18 лет. Стали они с матерью искать свидетельство о рождении, но так и не нашли. Пришлось обратиться в ЗАГС. Когда он получил паспорт, то увидел ошибку в дате рождения и сказал об этом, на что ему ответили:

– Что было в свидетельстве, то мы тебе и написали.

– А можно исправить?

– В паспорте ничего исправлять нельзя.

Так и осталось у него в Свидетельстве, а потом и в Аттестате, неверное число рождения – 13 марта.

Когда Гена принес Аттестат матери, Анна Васильевна поругала его за тройки, но больше всего – за ошибку в Свидетельстве о рождении:

– Ты что, слепой был, когда его тебе выдавали? А если не слепой, то безголовый. Разве я не рассказывала, что родила тебя в Евдокиин день?

– Рассказывала.

– А какое это число? 14 число, святой день. А тебе какое-то поганое число написали.

Что, исправить было нельзя?

– Сказали, что в паспорте ничего нельзя менять.

– Ну и живи с ним.

Это было первое знакомство Гены с ошибками ЗАГСа. Позже, уже учась в Москве, в Литинституте, он исправил эту ошибку, получив новое свидетельство о рождении и новый паспорт по нему в Одинцовском отделении милиции Кунцевского района Московской области в 1955 году.

* * *

Окончив школу, Гена поехал в Москву и поступил на сценарный факультет Института Кинематографии. Проучился год и бросил. И не столько потому, что жить снова было голодно, а потому, что ему не понравились и сам институт, и педагоги, и совсем не понравилась студенческая среда. К тому же он узнал, что в Москве есть Литературный Институт и решил, что там ему и надо учиться.

Осенью 1951 года он снова поехал в Москву учиться уже в Литературном Институте, пройдя в мае творческий конкурс. Но доехал Гена только до Котласа. Там его обокрали, забрали все: документы, деньги, вещи, в том числе и новенький костюм, сшитый теткой Парук, – подарок от нее и от матери.

Гена вернулся в деревню, но матери не рассказал, почему. Она узнала обо всем от постороннего человека, односельчанина, ехавшего с ним из Сыктывкара на одном пароходе. Такой уж был у Гены характер: он никогда и никому не рассказывал о неприятностях, случившихся с ним по вине обстоятельств или по собственной глупости. Но по глупости он попадал впросак только несколько раз в жизни.

Поразмыслив, Гена решил, что раз такая судьба, надо сначала поработать, да и вообще набраться какого-то опыта в жизни, что-то стоящее написать. Так он оказался в Радиокomitee. Сначала работал диктором, затем корреспондентом, а потом стал заведовать корпусом,

Геннадий, 20 лет, 1952 год

Через два года, в 1953-ем, Гена, уже не зеленый юнец, снова пройдя творческий конкурс, поступил в Литинститут им. М. Горького, и уехал учиться в Москву.

В зимние студенческие каникулы Гена ходил на охоту по своему, доставшемуся от деда путику и, как правило, приносил много дичи, особенно куропаток (путик – это тропа, по которой кроме хозяина – охотника никто не ходит и не имеет права ставить свои силки, стрелять птицу и зверя). Мать варила из куропаток суп, тушила с картошкой, сушила. Это сушеное мясо было для Гены некоторым подспорьем во время учебы. Анна Васильевна продолжала заботиться о нем, отправляя в Москву посылки с сушеной картошкой и морковью, и с теми же сушеными тушками куропаток. Да и с деньгами стало полегче: стипендия немного увеличилась, к тому же Анна Васильевна посылала ему 50 рублей, получив пенсию за младшую дочь. Кое-что можно было заработать и на титрах к кинофильмам. Тогда некоторые фильмы в Коми республике показывали с титрами на коми языке.

В 1958 году Гена окончил институт и вернулся в Сыктывкар. Теперь он сам мог помогать матери.

Глава 2

Писать воспоминания о дорогом человеке очень сложно.

Ведь он словно еще стоит или сидит рядом со мной, молчит. Иногда посылает мне весточки в виде листиков с деревьев, каких часто и нет вокруг. А я не знаю, что он хочет этим сказать? Может, просто утешает меня, говорит, чтобы я не отчаивалась из-за всякого рода неприятностей, которые посыпались после его ухода. О неприятностях тоже, конечно, придется писать, но это – потом...

Мы встретились с ним на стадионе, куда я ходила заниматься гимнастикой. После очередной тренировки я остановилась возле беговой дорожки, на которой соревновались легкоатлеты. Были, кажется, республиканские соревнования. Победил красивый, кудрявый, черноволосый спортсмен с лицом явно восточного типа. Я тут же на стадионе сорвала несколько цветков и хотела бросить этот нехитрый букет победителю, но поняла, что не доброшу, и попросила сделать это стоявшего рядом молодого человека. Он улыбнулся и выполнил просьбу.

Когда я вернулась домой, моя соседка (а жили мы вдвоем в небольшой комнатке с девушкой, которую звали, как и меня. Галиной) сказала, что сегодня к ней придут в гости два молодых писателя и будет лучше, если я уйду из дома. Наскоро поев, я отправилась бродить по городу. Уже вечерело, и стало довольно прохладно, когда я решила пойти домой. Подойдя к нашему дому, а жили мы на первом этаже, я услышала приглушённые веселые разговоры, села под окном и стала ждать, когда гости уйдут. Замерзла я изрядно.

Наконец, голоса затихли, и я пошла домой. Веселая соседка сказала, что два парня – для нее много, поэтому она выбрала сегодня одного, а второго, Геннадия Юшкова, дарит мне.

Гена в то время был настоящим стилигой: белая рубашка, пиджак цвета морской волны, серые узкие брюки и желтые ботинки на толстой подошве. Но с пижонским внешним видом явно контрастировали зачесанные назад гладкие волосы, внимательный взгляд маленьких коричневых глаз, и открытая улыбка больших, мягких губ, они говорили о большом уме и такте.

Таким он мне запомнился. Когда соседка через несколько дней представила нас друг другу, мы улыбнулись, как старые знакомые. Не знаю, это ли называется «любовь с первого взгляда», но притяжение сразу возникло очень сильное.

Галина Матвеева, 24 года, 1956 год

Вскоре мы поженились. Свадьбы с пышным застольем не было, тогда это было не в моде. Зато расписывались в ЗАГСе очень весело, со всякими шутками, с выкупом невесты, пускали

шапку по кругу, чтобы заплатить за свидетельство о браке, выпили тут же очень «горькое» шампанское, хотя это тоже было не принято. Наутро Гена подарил мне обручальное кольцо.

Г.А.Юшков и Г.Е.Юшкова, 1958 год

С матерью Геннадия пошли знакомиться в конце октября. Доехали на автобусе до Часово, потом, до Красной шли пешком 13 километров. Как я уже рассказывала, дорога между Часово и Красной была ужасная: глинистая, скользкая, с большими лужами и болотистыми местами, мощеными бревнами, через щели между которыми хлюпала жидкая грязь. Мать встретила нас очень просто, не горячо и не холодно. Накормила вкусными шаньгами с молоком. Вкуснее, чем ее шаньги, я потом никогда не ела. Добрались мы до Красной в субботу, а утром в воскресенье уже шли 13 километров в обратном направлении.

С моими родителями и родственниками Гена познакомился в Архангельске немного позже. Все сказали, что мы очень похожи друг на друга. После застолья папа играл на гармошке, а мама тихонько допытывалась у меня, не сидел ли Гена – «У него на руках татуировки?» На следующее утро, когда отец спросил Гену, не хочет ли он опохмелиться, и тот согласился, мама опять разволновалась – «не пьющий ли у тебя муж?» «Ну что ты, нет» – ответила я, и она совершенно успокоилась. Гена ей понравился, как и папе, и сестре, и брату.

* * *

Когда мы только познакомились, то рассказали друг другу, почему оба оказались в Сыктывкаре. Я – чисто по глупости: мне предлагали работу в Москве, в научной лаборатории Шинного завода и одновременно заочную аспирантуру на химфаке МГУ, но мне очень не понравился этот завод, старый и грязный. У Геннадия тоже была возможность остаться в Москве, в Союзе писателей, но он четко знал, что его место на Родине.

По приезде в Сыктывкар Геннадий как-то растерялся, лишившись привычной атмосферы Литинститута, семинаров замечательных поэтов и писателей, которые относились к нему с большой симпатией, не только хвалили, но и помогали войти в большую литературу. Так Михаил Светлов перевел и напечатал его стихотворение «Кукушка» в самом главном и самом престижном литературном журнале того времени – в «Новом мире». Гена всю жизнь восхищенно вспоминал Светлова. Михаил Аркадьевич был не только очень добрым человеком, но одновременно очень требовательным к тем, кто занимался в его семинаре. Он мог подолгу слушать их стихи и подстрочные переводы, но когда видел, что молодые поэты явно увлекаются формой стиха, часто в ущерб содержанию, всегда говорил: «Ребята, я – старый еврей, и меня трудно чем-то удивить. Ищите и находите в поэзии свое, непохожее ни на что другое». Гену он отмечал и привлекал, переводил и печатал, найдя в нем «свою ноту». Наставления Михаила Аркадьевича Гена помнил всю жизнь

Также тепло относился к Геннадию и Борис Ромашов, руководитель его дипломной работы. В семинаре «Советская драматургия», который он вел, была отмечена первая пьеса Гены «Где-то в тундре», напечатанная в журнале «Молодежная эстрада» (№3, 1955 г.), а для защиты Диплома он написал вторую пьесу «Мой друг Иван Игнатов».

Геннадий с руководителем диплома Б. Ромашовым, 1958 год

Вернувшись в Сыктывкар, лишившись привычной студенческой компании своих друзей и сокурсников, поддержки педагогов, Гена попал в совершенно забытую им атмосферу жизни небольшого города.

Наряду с психологической перестройкой приходилось преодолевать и материальные трудности – поиск жилья и работы. Только в ноябре Г.А.Федорову удалось взять его Литконсультантом в Коми отделение Союза писателей СССР, которое тогда было совсем небольшим: восемь членов Союза плюс литературный актив, тоже малочисленный. Стать членом Союза писателей тогда было совсем непросто: требовалось выпустить минимум две книги, не говоря уже о большом количестве журнальных публикаций.

В Сыктывкарском отделении Союза Гену хорошо знали и встретили очень дружелюбно, особенно старейшины Г. А. Федоров и Я. М. Рочев.

Проблему с жильем удалось решить тоже не сразу. Сначала его приютила на некоторое время семья поэта Федора Щербакова, которая жила в сохранившемся и сейчас деревянном доме, неподалеку от нынешнего Дома печати, где в ту пору был Совмин. Спасибо добрым Щербаковым.

Вскоре он снял чердак у поэта В. В. Когда мы поженились, и я перешла к нему жить, этот чердак производил на меня жуткое впечатление. Он был совершенно не приспособлен для жизни: одно небольшое окно, балки, голые бревна, топчан, прибитый к стене. Умываться

хозяйка разрешала только на первом этаже, в коридоре. После благоустроенных общежитий нам было трудно привыкнуть к такой обстановке.

В этом же доме на первом этаже, точнее, на зимней веранде, снимал жилье Альберт Ванеев.

Однажды мы втроем возвращались в одиннадцатом часу из театра. В ту пору спектакли начинались в 8 вечера, а заканчивались в 10—11. Шли не спеша, обсуждая пьесу и спектакль. По Первомайской дошли до Красных Партизан, свернули за угол. По другой стороне улицы шел высокий молодой человек.

Вдруг два малорослых парня остановили его. Видно, что-то сказали, он ответил, но ответ, судя по всему, их не устроил. В руках одного блеснул нож, которым он ударил молодого человека в спину. Мы в этот момент почти поравнялись с ними. Увидев нас, парни кинулись в разные стороны. Альберт бросился догонять одного из них, а Гена, крикнув мне: «Останься с парнем, я – за автобусом», помчался в сторону Советской улицы (автобусы в то время ходили только по ней). Он понял, что молодому человеку нужна скорая помощь, а вокруг не было ни души, ни машины, ни телефонной будки.

Автобус с Геннадием приехал довольно быстро, в нем было несколько пассажиров, но никто не возражал, чтобы отправиться на помощь. Молодой человек уже начал терять сознание. В тот же миг показался Альберт, он держал за ворот бандита. Один из пассажиров помог Геннадию занести пострадавшего в салон, Альберт затолкал туда же бандита, и автобус помчался к больнице, затем – к отделению милиции, и лишь потом вернулся на свой маршрут. А мы пешком пошли домой.

Примерно через неделю Гену и Альберта пригласили в милицию, поблагодарили и сказали, что молодому человеку сделали операцию, и он поправляется. А вот если бы привезли на полчаса позже, то спасти парня вряд ли бы удалось.

Вот такие они были молодые: сообразительные, сильные, бесстрашные, справедливые, готовые всем помочь.

Вскоре Альберт женился на красавице Ирине, а вовсе не на моей соседке.

Жена В. В., хорошая и трудолюбивая хозяйка, внимательно следила за своими жильцами, чтобы они ничего не испортили в доме, когда Ира Ванеева, повесила на морозном крыльце сетку с мороженой рыбой, получила от нее строгий выговор, мол, стена может начать гнить. Официально она нигде не работала, но подрабатывала, где могла, чтобы достойно растить трех дочерей, две старшие девочки были талантливы и хороши собой, а младшая дочь болела. Время было трудное.

Женщина, снимавшая в полуподвале комнату, поделилась со мной секретом стирки белья без горячей воды: замачиваешь в порошке двое суток, затем полощешь – и белье – белое-белое. Но проверить этот рецепт мне не удалось, потому что вскоре, когда Гена брился, хозяйка выкрутила пробки, электричество, естественно, пропало, и Гена пошел на работу наполовину побритый.

В тот же вечер мы сняли невдалеке другую квартиру, хорошую и у очень хорошей хозяйки, Зои Ивановны, которая работала продавцом в промтоварном магазине, где теперь «Незабудка».

Поклеили мы обои, положив в них дуст, как нам посоветовала Зоя Ивановна, чтобы не появились клопы, и зажили спокойно и весело.

С нами жила сестра Гены, которую звали, как и меня, и часто мы обе откликались на его зов: «Галя!». Умелая и работающая, Галя сильно облегчала нам жизнь. Она училась в вечерней школе в десятом классе. Днем топила печку, ходила в магазин, иногда готовила еду по своему разумению. Это сильно меня выручало, пока я не научилась вести хозяйство и хорошо готовить. Ведь до того я жила, как у Христа за пазухой: дома знала только учебу, школу окончила

с золотой медалью. Потом – МГУ на Ленинских Горах, комната на одного в общежитии и масса дешевых столовых и буфетов, работавших с утра до ночи.

Поздними вечерами мы с Галей играли в карты, а Гена в большой комнате за большим обеденным столом писал пьесу «Макар Васька – сиктса зон» («Макар Васька – сельский парень»).

Гена писал про Ваську Другова очень быстро. В этой шаловливо-веселой комедии отразилось его душевное состояние, в котором он находился в то время. У него всегда было хорошее настроение, он радовался жизни, много шутил, разыгрывал нас с сестрой, подтрунивал надо мной, так как Галя часто хитрила с картами и почти всегда выигрывала. Когда же я уличала ее в жульничестве, они вместе смеялись, и Гена повторял: «Не верь тому, что говорят, сама соображай. У тебя образование, а у нее деревенская, житейская хватка». Да, хватки у Гали всю жизнь хватало, а вот счастье иногда обходило ее стороной.

К тому времени Геннадий был уже известен в Сыктывкаре. Его «Сыктывкарский разговор» знал и любил весь город. Я, услышав впервые эти шуточные стихи по радио, очень смеялась, как, впрочем, и все, кто их слышал. Думаю, что тогда в городе не было более любимого писателя.

* * *

Этот год был самым безмятежным в нашей жизни. Зима пролетела мгновенно. Весной Галя поступила в медучилище, а я отправилась в Архангельск к родителям «за нашей первой дочкой». Гена провожал меня до Котласа. Мы ехали в двухместной каюте, пароход медленно и ритмично шлепал колесами, как бы успокаивая нас: все будет в порядке. В Котласе Гена посадил меня на пароход, ходивший до Архангельска, а сам вернулся в Сыктывкар. В начале августа он получил телеграмму: «Поздравляем с Мариной». Через месяц он приехал за нами. Дочка ему очень понравилась, особенно огромные черные глаза и длинные черные волосы. Правда через месяц черные волосы выпали, а затем выросли редкие, очень светлые волосики. Любить ее Гена стал еще сильнее, ведь у него в детстве тоже были совершенно белые волосы.

Г. Юшкова с Мариной Юшковой (1 месяц), 1959 год

Пока Гена ездил за нами в Архангельск, решился вопрос с жильем: как только мы приехали с нашим чудом в Сыктывкар, Гена получил ордер на двухкомнатную квартиру. Была она в деревянном доме на Железнодорожной, без воды, без удобств. Вернее, удобства были: выгребная яма с сильной струей холодного воздуха зимой, и центральное отопление, которое в первый год не работало. Зато была кухня с большой плитой, топившейся дровами, к которой прилагался дровяной сарай. Вот в этой теплой кухне с крошечной дочкой мы и прожили первую зиму.

В гостях у тестя. 1959 год

Квартира была на первом этаже. Правда, нам выделили на втором, но её занял очень расторопный доктор Цой с большой семьёй родственников и маленьким ребёнком, спорить с ним мы не стали. Когда потеплело, пришли мои друзья-сослуживцы, и мы все вместе за один день проконопатили стены в квартире (стены были из бруса), так что в следующем году у нас было очень тепло, а у Цоев на втором этаже – холодно, и они очень жалели, что заняли нашу квартиру. Когда же настало лето и стало совсем тепло, мы стали клеить обои и красить полы в двух наших замечательных комнатах.

В этот счастливый год судьба подарила Гене самое дорогое: дочку и первую книжку.

Книжка была маленькая, в 50 страниц. Называлась она: «Медводдза сёрни» (первый разговор), было в ней всего 37 стихотворений, но среди них такие сильные, как «Лисица» и такие нежные, как «Часово, пристань» и «Помнишь, как из школы...».

И своя квартира появилась у нас ведь в тот же год!

На гонорар за эту книжку Гена купил мне в Москве, будучи там в командировке, прекрасную шубу. Она была мне великовата и я, потихонечку полнея, носила её, не снимая, лет 25. Эта шуба жива до сих пор, в приличном состоянии, висит у Марины в кладовке, но мне уже мала.

В январе 1960 года Геннадий был приглашен Союзом писателей РСФСР на семинар драматургов, который должен был состояться в Ялте. Гена сомневался, ехать ли ему, боялся оставить меня с пятимесячной дочкой, дровяной плитой, пеленками, магазинами, едой, купанием дочки, но я заверила его, что справлюсь и справилась. Сейчас я не могу понять, как я одна совсем этим управлялась, но к двум часам все было сделано, мне оставалось только поужинать и вечером выкупать ребенка, и в два часа мы уже шли гулять. Да, молодость многое может.

Гена писал, что Ялта встретила его таким теплом, что он даже растерялся. После Сыктывкарских холодов, когда холодно даже в зимнем пальто, не верилось, что есть на свете места, где даже в январе можно ходить в одном пиджаке. Но вскоре пошли в Ялте дожди, и настроение у Гены упало, да и семинар ему не понравился.

Ялта, Семинар драматургов, 1960 год. Крайний справа Г. А. Юшков

Ялта, Семинар драматургов, 1960 год. В центре Г. А. Юшков

Летом того же года состоялось в Сыктывкаре выездное заседание секретариата Союза писателей РСФСР, в котором участвовали многие известные российские писатели.

Ездили большой компанией в Воркуту. Ему было очень интересно.

* * *

Как-то приехала к нам в гости мать Геннадия, и так получилось, что в этот её приезд я рассталась с обручальным кольцом, подаренным мне Геной. Анна Васильевна попросила меня отдать ей кольцо, сказав, что если оно у нее будет, то она еще долго проживет. Конечно, я сняла кольцо. Мать уехала, а вернувшийся с работы Гена очень сильно меня ругал: «Как ты могла снять кольцо? Без моего согласия! Ведь я его тебе надел! Его мне тетя Маша оставила для моей жены!» И еще больше, чем на меня, сердился он на свою мать, однако никогда с ней о кольце не заговаривал и вернуть не просил.

Дальнейшая судьба кольца такова: оно довольно долго лежало у матери в шкафу, потом она отдала его своей дочери, но счастья кольцо ей не принесло. Может быть, тем поступком мать отвела от нас невзгоды?

Второй раз обручальное кольцо муж подарил мне на двадцатилетний юбилей нашей свадьбы, и мы счастливо прожили вместе 51 год. Сам же Гена носить кольцо никогда не соглашался, но то, что оставила для меня тетя Маша, вспоминал не раз.

Тетя Маша очень любила Гену. Она была младшей сестрой матери. Окончив мединститут, долгое время работала в туберкулезном санатории в Ялте, вышла там замуж, у нее родился ребенок, но потом муж и ребенок скончались. Всю войну тетя Маша проработала в госпиталях, а после демобилизации вернулась на родину и была врачом в Палевице. Гена часто вспоминал её, добрую и сердечную, и то, как она по мере своих возможностей помогала ему.

В деревне Красная на родине писателя, возле дома матери. Слева направо: Юшкова Галина Евгеньевна, жена писателя, подруга жены: Татьяна Александровна Балашова, Геннадий Анатольевич Юшков с дочерью Мариной на руках. Июнь 1960 года

Тем временем жизнь шла своим чередом. Мать Гены и мои родители были здоровы. Галя училась в Медучилище, Марина росла быстро и здоровой. Мы были счастливы. Правда, денег на все не хватало. Жили только на зарплату Гены – 83 рубля, и когда прохудились его стельные брюки, мы долго решали, как выкрутиться. В итоге пришлось бросить все финансы на закрытие бреши в нижней части его гардероба.

Обстановка в квартире сначала состояла из матраца, стоявшего на чурбачках, и кровати дочери. Потом появился кухонный стол и два самых дешевых табурета, ситцевые занавески на кухонном окне, а когда я вернулась на работу, мы заказали деревянный стеллаж для книг и купили вешалку для одежды в коридор. Через год нам удалось приобрести две деревянные кровати, которые после небольшого ремонта до сих пор стоят в нашем деревенском доме. Ничего удобнее этих кроватей я никогда не видела, хотя спать довелось в разных местах, городах и даже странах, в домах знакомых и родственников. Позже в большой комнате появились желтые бархатные занавески и ножная швейная машина, еще через какое-то время – платяной шкаф и круглый обеденный стол с четырьмя фанерными стульями. И, наконец, нам посчастливилось купить без очереди настоящий письменный стол, желтый с коричневым дерматиновым верхом, правда, бракованный, потому его никто не брал. Тумба у него была прикреплена не слева, а справа, дверца открывалась не на внешнюю сторону, а внутрь, так что когда надо было заглянуть в стол, приходилось вставать. Но мы были и ему рады. Теперь у нас было всё.

* * *

Отцом Гена стал замечательным. Каждый день он читал Марине книги и даже купал её, но больше всего любил с ней гулять. В деревянные санки с плетеной из ивовых прутьев корзиной мы стелили одно ватное одеяло, другим закутывали ребенка, и Гена мог часами ходить с дочкой по нашей пустынной улице. Не раз я шла их искать. Подойду – Марина крепко спит, а Гена медленно тянет санки и что-то шепчет, и лицо у него – не от мира сего.

Геннадий с дочерью Мариной (Марине полгода), 1960 год

Когда Марине исполнился год, мы отдали её в ясли, но оказалось, ненадолго. Пока сидела дома, даже не чихнула ни разу, а после трех дней в яслях сильно заболела, температура к ночи поднялась до 39. Мы перепугались, завернули её в пуховое одеяльце и помчались в детскую больницу, которая была не так далеко от нас, на Орджоникидзе. Доктор посмотрела сначала на нас, перепуганных, потом спокойно послушала дочку и сказала: «Все обойдется, но не ясельная она у вас. А в садик пойдет». К счастью, все действительно обошлось.

Геннадий с дочерью Мариной (1 год), 1960 год

Стали искать няньку, развесили на столбах объявления. Вскоре пришла женщина лет 45. Проработала она два дня и говорит:

– Что-то у вас в гардеробе не висит ни одного платья и всего две рубашки мужа, а где остальная одежда?

– В чемоданах – говорю.

– Но я и чемоданов не вижу.

– Не волнуйтесь, не такие уж мы нищие.

Еще через два дня к ней пришел мужчина, что Гене очень не понравилось. Нянька попросила у меня варежки сходить погулять, и они ушли. Ночевать она не вернулась, а наутро пришли два милиционера и спросили, где наша нянька. Когда узнали, что она вчера ушла погулять и не вернулась, разозлились, словно мы были в этом виноваты, и один сказал другому: «Ну, вот, опять ускользнула». Потом поинтересовались, не пропало ли у нас что-нибудь и ушли, а мы остались с той же проблемой – где найти няньку.

Но оказалось, что нянька жила в нашем же доме, на втором этаже, хорошая молодая девушка, из приличной семьи. Правда, как потом выяснилось, – страшная матерщинница.

В одно из весенних воскресений поехали мы на теплоходе в Лемью. Сидим на верхней палубе, солнце, ветерок, какой-то человек играет на гармошке, Марина танцует, а мы с Геной разговариваем. Вдруг его сестра подбегает к нам: «Вы только послушайте, что Марина приговаривает!» Мы прислушались, и волосы у нас встали дыбом: наша красавица в пышном, розовом платье, пританцовывая, смачно материлась. Гена тут же подхватил её. И вот мы сидим, красные и не знаем, что делать, а Марина вырывается из его рук – ей надо идти танцевать. Тут я, слава богу, нашлась:

– Мариночка, ты неправильно говоришь, надо говорить: «звезда». И вот Марина снова пляшет, но уже со «звездой». После крутого разговора Гены с нянькой мат сошел на нет.

От самого Геннадия я за всю жизнь не слышала ни одного матерного слова, хотя, конечно, он их знал, и может быть, употреблял в каких-то мужских компаниях, но я этого не знаю.

* * *

В то лето 1960 года Гена увлекся рыбалкой. Рыба в Вычегде ещё водилась, и он приносил по целому ведру, щедро угощая соседей.

На рыбалку кроме каши-приманки полагалось брать с собой бутылку водки. На эту бутылку собирались мужики, рыбачившие на тех же бонах, что и он. Когда к ним стали присоединяться рыбаки с соседних бон, потребовалось брать на всех уже две бутылки водки, затем – три. Я спрашивала: «Зачем ты фасонишь, собираешь алкоголиков? А Гена, смеясь, отвечал: «Раз я начал носить водку, теперь – лопни, но держи фасон!». Однако, когда дело стало подвигаться к четырём бутылкам, сдался: «Все, больше на рыбалку не хожу, не могу же я, правда, поить всю реку».

Следующим летом он, конечно, снова рыбачил, а как решалась проблема с водкой, уже не помню.

Г. А. Юшков едет на рыбалку в Лемью, 1960 год

Кроме рыбалки Гена с детства увлекался охотой. У него был свой родовой «путик», на котором он очень рано начал ставить силки и добывать птицу.

На третьем году после свадьбы Гена купил хорошую винтовку, собирался пойти на охоту, да не успел. Вскоре пришло уведомление явиться с винтовкой на перерегистрацию. И вот он идет в милицию: на одном плече винтовка, на другом – маленькая Марина. У него проверили документы, разрешение на оружие, а потом милиционер взял вдруг винтовку в руки, повертел и, сказав: «Мы её конфискуем», поставил в угол за столом. Гена стоял огорошенный. Когда он, опомнившись, направился к двери, Марина заплакала: «Отдайте папину винтовку!». И плакала она всю дорогу, чувствуя состояние отца.

Геннадий был потрясен случившимся. Лишь несколько месяцев тому назад государство разрешило ему купить винтовку и вдруг – раздумало. Этот случай занозой сидел у него в душе всю жизнь, и он никогда больше не заводил речи о покупке винтовки или ружья и об охоте. Гена вообще старался не вспоминать о неприятных для него обстоятельствах, сердце у него было в очень тонкой оболочке, и он инстинктивно берег его.

Жизнь потихоньку устраивалась, Марина оправилась от пребывания в яслях, перестала болеть, пошла в детский сад. Мы с Геной спокойно работали, но самое главное – он смог сосредоточиться на творчестве.

* * *

Первый послеинститутский период в творчестве Гены был очень плодотворным. Он очень быстро написал две пьесы: «Макар Васька – сиктса зон» и «На далекой буровой», доработал пьесу «Седьмой председатель», которую начал писать еще в Литинституте.

Именно тогда он увлекся драматургией, посещал руководимый Б. Ромашовым семинар по советской драматургии и в качестве дипломной работы выбрал две одноактные пьесы «Где-то в тундре» и «Мой друг Иван Игнатов». Почему Гена остановился именно на драматургических произведениях, сначала мне было не совсем понятно, ведь не менее активно он работал и в семинаре М. Светлова, который высоко оценил его поэтическое творчество, как я уже писала, сам перевел его стихи «Кукушка» и предложил их в «Новый Мир». Геннадий всегда очень тепло отзывался о М. Светлове, семинары которого считал самыми важными в своем становлении как поэта. Тем более, что к окончанию Литинститута в журнале «Войвыв Кодзув», начиная с 1952 года, было опубликовано около 30 стихов Геннадия, подготовлен к печати сборник стихов «Поэты коми» на русском языке, в который вошли пять его стихотворений. В эти годы он также печатался в газетах: «Красное Знамя», «Молодежь Севера», «За Новый Север», «Коми колхозник», «На рубеже» и в журнале «Чушканзі». Всего этого было более, чем достаточно для дипломной работы по поэзии, однако стихи его были написаны на коми языке, и чтобы они были поняты членами экзаменационной комиссии при защите, нужны были грамотные переводы, или хотя бы – хорошие подстрочники.

Поэтому он стал защищаться по драматургии. В этом случае с подстрочниками дело обстояло значительно проще. Кроме того, театр стал его завораживать.

В Литинституте Гена участвовал и в прозаическом семинаре Константина Паустовского, но этот семинар его не «зацепил». В студенческие годы он вообще не написал ни одного рассказа, хотя еще до поступления в институт уже примеривался к ним, и в 1952 году в журнале «Войвыв Кодзув» появился его рассказ для детей «Друзья».

Но после института Геннадий увлекся прозой. В течение трёх лет в журнале «Войвыв Кодзув» один за другим появляются шесть его рассказов, один из которых: «Слухи», был переведен на русский язык К. Евграфовым и напечатан в газете «Красное Знамя». Наконец, про-

бились ростки из семян, посеянных в семинаре Паустовского. В это же время им впервые были написаны четыре рассказа для детей, которые сначала появились в «Войвыв Кодзув», а потом вошли в книгу «Ачим тэда» (Сам знаю).

Стихи Гена тоже продолжал писать, правда, не столь интенсивно, как раньше. За три года в любимом журнале «Войвыв Кодзув» было опубликовано 13 стихотворений, но самым важным был выход в 1959 году первого сборника его стихов «Медводза сёрни» (Первый разговор) в Коми книжном издательстве, о чем я уже писала.

Тогда же впервые Геннадий написал ряд критических статей, заметки о стихах коми писателей, о коми литературном процессе в целом, которые были опубликованы в течение 1959 -1960 годов.

* * *

В пятом номере журнала «Войвыв Кодзув» за 1960 год была, наконец, напечатана его пьеса «Макар Васька – сиктса зон». Его Васька Другов – настоящий шутник – озорник, который хочет жить интересно, а не просто «вкалывать». Свою неумемную юношескую энергию он тратит на дурацкие розыгрыши, не найдя в деревне дела, которое могло бы его работать, не считаясь со временем. В широком смысле Гена написал серьёзную пьесу о поиске своего места в жизни. Не все сразу поняли ее, кое-кто критиковал за «никчемность» поступков главного героя. Так одна молодая женщина – критик, будучи у нас в гостях, укоризненно сказала: «Гена, ну как ты мог такое сочинить?» Впоследствии она, правда, изменила своё мнение и написала прекрасную статью не только об этой пьесе, но и о творчестве Гены в целом, назвав её: «Верным курсом».

Думающие литераторы, однако, оценили пьесу по достоинству. Прекрасный отзыв о ней дал А. К. Микушев в журнале «Войвыв Кодзув» (1960 г., номер 5), затем – в газете «Молодежь Севера» в статье «Две пьесы Г. Юшкова – «Седьмой председатель» и «Макар Васька – сиктса зон» (17 июля 1960 года), и в журнале «Театр». Главный редактор этого журнала В. Пименов знал Гену по Литинституту (в годы его учебы он был ректором) и счел необходимым написать письмо главному режиссеру сыктывкарского Музыкально – Драматического театра (так он тогда назывался) Ивану Ивановичу Аврамову.

После смерти Ивана Ивановича его жена передала это письмо Гене. Вот оно:

«Дорогой товарищ Аврамов!

Мне очень хочется обратить Ваше внимание на молодого драматурга Геннадия Юшкова, который проживает в Сыктывкаре. Есть большой смысл его поддержать. Это интересный и одаренный писатель, который очень нуждается в том, чтобы ему помог театр, без этого он засохнет, а будет жаль терять такого перспективного драматурга.

Юшков знает жизнь, его пьесы не выдумка, а подлинная, настоящая правда. Но им не хватает сценической отделки. Я знаю Вас, знаю, что Вы сможете сделать, и потому прошу связаться с Юшковым и поработать с ним. Уверен, что не раскаетесь. У него есть новая пьеса. Почитайте её, думаю, что к следующему сезону Ваш театр может иметь не только пьесу, но – и что дороже – автора.

С уважением к Вам – Вл. Пименов.

22. 5. – 62 г».

Получив это письмо, Аврамов пригласил Гену в театр поговорить и взял почитать его пьесы. Они ему понравились. Так началась их многолетняя дружба, (правда, иногда омрачавшаяся взаимным непониманием), и столь же многолетнее сотрудничество Гены с Республи-

канским драматическим театром им. Виктора Савина, которое успешно продолжалось и после неожиданной смерти Ивана Ивановича.

Из четырех пьес Геннадия, написанных к тому времени, Аврамов выбрал пьесу «Макар Васька – сиктса зон». Премьера спектакля под названием «Озорник» состоялась только в 1963 году, но зато сразу последовала рецензия А.К.Микушева во Всесоюзном журнале «Театр» (1963, №5), под названием «Неисправимый весельчак». В ней, в частности, были такие строки:

«Это первое произведение Геннадия Юшкова на сцене профессионального театра стало его победой. Комедия полна задорного юмора, искрящегося веселья и лирических раздумий, а главное – она не оставляет равнодушных в зрительном зале».

Спектакль, действительно шел с большим успехом, как в Сыктывкаре, так и на гастролях театра по республике.

Во время работы над спектаклем Гена познакомился с композитором Яковом Перепелицей, который написал музыку к постановке. Они стали друзьями, и дружили много лет, до ухода Якова Сергеевича из жизни.

Однако, жизнь этого спектакля на сцене театра была недолгой. По неизвестной мне причине ушел из театра актер Евгений Турубанов, исполнитель главной роли, а Иван Иванович не стал вводить на эту роль другого артиста. Гену это обстоятельство очень огорчило, ведь спектакль шел явно с успехом. Обида на Аврамова жила в сердце Гены несколько лет. Потом уже Иван Иванович обиделся на Гену после его статьи «Наш высокий долг», которая была опубликована в конце ноября 1965 года в Республиканской газете «Красное Знамя».

В этой большой статье Гена говорил о положении национальной коми культуры в Коми АССР. В ней он, в частности, резко отозвался о заслуженных деятелях искусств, народных и заслуженных артистах Коми:

– Если исходить из Положения об этих званиях, то они присваиваются в первую очередь за заслуги в области национального искусства.

Но если спросить отмеченных этими званиями людей, что они сделали для коми искусства в последние годы, уверен, не каждый сможет ответить. Например, Иван Иванович Аврамов, народный артист РСФСР и Коми АССР.

Я уважаю его талант и заслуги, но, к сожалению, в деле развития коми национального искусства заслуги И. И. Аврамова – в прошлом.

Почему же театр, перед которым стоит слово «коми» мало уделяет внимания произведениям национальной драматургии? Вот уже три года мы не слышали со сцены живое коми слово. А ведь в театре давно лежат пьесы местных драматургов – «Время жениться» А. Ларева, «Мы не зимогоры» В. Леканова и другие.

Конечно, было бы неправильно призывать театр опираться только на местных авторов. Наша республика многонациональная, и все лучшее, что рождается в советской и мировой драматургии, не говоря уже о классике, должно интересовать театр. Если он хочет развиваться.

Но не ставить пьесы на коми языке наш театр не имеет права, ибо этим он сдерживает развитие национальной драматургии.

Иван Иванович обиделся на Гену на много лет, хотя было понятно, что Гена заступался за своих товарищей, за коми драматургию в целом.

Гена хорошо знал о положении дел в театре не понаслышке, часто бывал в нем не только на премьерах. Знал и понимал сердцем нелегкий труд артистов, требующий большой душевной выносливости. Доказательством тому может служить статья о творчестве актера Максима Данилова, опубликованная в «Красном Знамени» в декабре 1965 года.

После постановки пьесы «Макар Васька» в Драмтеатре, она ставилась во многих самодеятельных коллективах, и самой замечательной, на мой взгляд, была постановка, осуществленная Г. Ладановой с актерами-любителями в Выльгортском Доме Культуры. Меня этот спектакль, шедший в скромных декорациях, покорила не только достоверной игрой актеров, но и вдумчивой работой режиссера.

Позднее пьеса была переведена Геной на русский язык и издана отдельной книжкой в Коми книжном издательстве под названием «Озорник» в 1963 году.

Прошагав 50 лет по Республике, пьеса вернулась в Сыктывкар и обрела новую жизнь в Национальном музыкально-Драматическом театре.

* * *

Поскольку в жизни многие события происходят параллельно, соблюдать хронологический порядок их изложения практически невозможно. И вот, теперь я возвращаюсь в 1961 год.

Летом 1961 года в коми книжном издательстве вышла первая книга Гены для детей «Хлеб Ильича» в переводе молодого московского писателя Сергея Баруздина. Вот что он пишет Геннадии:

«Дорогой Геннадий Анатольевич!

Большое спасибо за «Хлеб Ильича»! Очень рад, что эта книжечка вышла в моем переводе. По-моему, выглядит она неплохо. Довольны ли Вы?

От души желаю Вам всего самого доброго, и, прежде всего, творческих успехов!

С. Баруздин».

Книжечка была удобного для детей маленького формата с замечательными рисунками художника В. Мамченко. Гена считал его иллюстрации в своих детских книгах самыми лучшими.

Позднее. В 1966 году книжка была переиздана.

Еще через тридцать лет, в 1996 году в Коми книжном издательстве вышла вторая книжка Гены для детей на русском языке, сказки «Заячий год» в переводе Л. Габовой. Остальные книги для детей издавались на коми языке.

* * *

В ноябре 1961 года Гена оставил работу в Союзе писателей и, как он говорил, «вышел на вольные хлеба». Я работала, Марина подросла и посещала детский сад, куда я отводила её по утрам, а Гена забирал вечером. Но чаще мы делали это вместе и шли по магазинам.

Моя работа и его небольшие гонорары позволяли нам жить хоть и скромно, но не так уж и плохо. В то время у людей ведь не было больших запросов, не надо было стремиться купить телевизор, машину (их просто не продавали), строить дачу. Основная масса народа обходилась малым. Продукты стоили очень дешево, в еде мы себя не ограничивали. В одном небольшом магазинчике Гена как-то обнаружил паюсную икру в стограммовых баночках, которую почти никто не покупал. Стоила икра недорого, была нам по карману, и муж стал наведываться туда еженедельно. Через какое-то время, правда, икра, закончилась. Продавец сказала, что он купил почти всю упаковку и вряд ли её еще привезут.

Геннадий наслаждался возможностью свободно распоряжаться своим временем, работать не урывками, а по нескольку часов кряду, когда в доме никого нет. Он пишет и печатает пьесы «Так и надо, Юля» и «Гозья», правит ранее написанные «Два брата» и «Начальство», также публикует их и задумывает «Кыськӧ тай эмӧсь».

Тогда при журнале «Театр» существовала такая организация – ВУОАП, которая помогала театрам в подборе репертуара, переводила и печатала пьесы как советских, так и иностранных авторов. В ВУОАП-е, в частности, перевели и разослали по театрам и библиотекам комедию Гены «Так и надо, Юля». И вот, спустя какое-то время, Гена получает пересланную из Москвы такую открытку:

«г. Москва. Союз писателей. Тов. Юшкову.

Нам нужно узнать адрес т. Юшкова, который написал пьесу «Так и надо, Юля!»

Эта книга пользуется у нас большой популярностью и спросом. Нам хотелось бы иметь хотя бы еще один экземпляр.

Курганская область, село Шатрово. Шатровская райбиблиотека».

За это «вольное» время только в Москве, в журналах «Дружба народов» и «Наш современник» трижды печатались подборки стихов Геннадия.

Вот, например, что писала редактор отдела поэзии журнала «Дружба народов» В. Дмитриева:

«Уважаемый товарищ Г. Юшков!

Посылаем Вам для авторизации цикл ваших стихотворений в переводе поэта Николая Старшинова. Наш отдел поэзии отобрал эти семь стихотворений и одобрил переводы. Название условное, если Вы найдете лучшее, будем рады. Ждем письма.

8/5 1962 г. С уважением, Дмитриева».

В журнале «Войвыв Кодзув» также было опубликовано около 20 его стихотворений. Стихи Гена писал всю жизнь, в самых разных жизненных ситуациях. «Они – моя первая любовь», – признавался он.

Полюбившаяся проза также не отпускает его. Он работает в самом трудном прозаическом жанре – рассказе. Он пишет восемь прекрасных рассказов, публикуя их, конечно же, в «Войвыв Кодзув». Наиболее яркая проза этого периода – рассказ «Висар» и повесть «Женщина из села Вилядь».

На русский язык его прозу переводят В. Кушманов («Молодые люди», «Старик и дети») и Н. Старшинов («Учет». «Тетка Фекла»).

В то же время Гена пробует себя в переводах стихов. Он переводит несколько стихотворений своих товарищей Н. Володарского и В. Кушманова. Но давались они ему нелегко, он говорил, что легче самому заново написать, чем «влезть в шкуру» автора, и в дальнейшем всегда находил повод отказаться от этой работы. Позднее, правда, по необходимости, перевел одно стихотворение С. Есенина (во время Всероссийской кампании перевода стихов С. Есенина на языки народов СССР) и «Парус» Лермонтова.

* * *

В середине декабря 1961 года Гена получил письмо из секретариата Союза писателей РСФСР, в котором сообщалось, что правление Союза писателей РСФСР 11 декабря 1961 года постановило «принять Юшкова Геннадия Анатольевича, поэта и драматурга (Коми АССР) в члены Союза писателей СССР».

В марте 1962 года правление Союза писателей СССР утвердило это постановление, Гена стал членом Союза и членом Литфонда, что позволяло ему отныне пользоваться Домами творчества писателей как для работы, так и для отдыха.

Через год мы поехали с дочкой отдохнуть в Доме творчества в Коктебеле. Коктебельский пейзаж Гену не удивил и не вызвал восхищения: выжженная степь выходит к морю между

двумя невысокими горными хребтами. Смеясь, он процитировал чьи-то строчки: «В Крым отправили пингвина, и пингвин изрёк невинно: «Благодать, но нету вида, – то ли дело – Антарктида!»»

День мы проводили на пляже, много купались, причем Гена начал купаться в холоднющей, всего 16 градусов, воде. Вечерами ходили в открытый кинотеатр, а в дождь Гена играл в шахматы и обыграл многих писателей, живших в тот момент в Коктебеле. Но однажды игра продолжалась очень долго и Гена все-таки проиграл. Выигравший спросил у него:

– Какой у вас разряд?

– Никакого.

– Не может быть! Вы чуть не выиграли у меня! А я мастер спорта международного класса.

– А если бы я знал, что вы мастер, не сел бы с вами играть, – улыбнулся в ответ Гена.

В Сыктывкаре он, практически, ни с кем не играл, мало того, отказывался учить играть в шахматы Марину, утверждая, что и играть-то сам не умеет.

Точно так же он всегда говорил, что у него совершенно нет слуха, а сам мог сесть за пианино и одним пальцем подобрать любую мелодию. Еще он говорил, что у него нет чувства ритма, но простые современные танцы танцевал очень неплохо, хотя и несколько своеобразно, так что – чувство ритма у него явно присутствовало, как и музыкальные способности.

Коктебель в то время был пыльной деревушкой, в которой из всех развлечений – только кинотеатр и танцевальный зал. Зато в Феодосии был и есть замечательный музей И. К. Айвазовского, и все отдыхающие старались его посетить. Правда, однажды, когда желающие ехать на экскурсию сели в автобус, одна дама вдруг громко заявила: «Давайте поедem на базар, что мы, музей не видали?» А была она, между прочим, женой очень известного писателя.

Музей в Феодосии небольшой, но очень интересный. Нам больше известны картины Айвазовского, которые собраны в Третьяковке, – безбрежное море, обломки корабля и тонущие люди. В феодосийском же музее много картин морских баталий, на которых изображены сражения русских и турецких парусников. Есть и повторение «Девятого вала». Возле галереи стоит памятник художнику от города Феодосии. Побывали мы и у фонтана Айвазовского, на мой взгляд, очень странного, непонятного стиля.

В то время в Доме творчества в Коктебеле сильно воровали: то один, то другой писатель жаловался в администрацию, что у него украли вещи, проникнув в номер. В один из первых же дней по приезде пострадала и Марина: у неё стащили на пляже красивую куклу, пока мы с Генной плавали. В другой раз вечером, после кино стали мы укладываться на ночлег, свет в комнате потушили, чтоб он не мешал Марине уснуть, и открыли дверь на веранду. И вдруг я вижу, как из темноты появляется рука, снимает прищепку с моего купальника, висевшего на веранде, и стаскивает его с веревки. Я, как была, в ночной сорочке, выскочила из номера и помчалась за убежавшей с моим купальником девицей, громко крича: «Брось купальник!» Девица не сразу сообразила, что от неё требуют, но чуть погодя, бросила купальник и умчалась на набережную. Когда я повернулась с купальником в руках, чтоб идти обратно, то увидела Гену, который очень быстро шел мне навстречу: «Я не сразу сообразил, в чем дело, и только услышав твои крики, понял, что ты бросилась за воров и вот бегу тебя спасать!»

Несмотря на мелкие неприятности, отдохнули мы очень хорошо. Гена по достоинству оценил Коктебель, его пляжи, горы и бухты.

* * *

В 1962-ом, Гена праздновал выпуск второй книжки своих стихотворений «Олём шыяс» («Звуки жизни»). Она была не так лирична, как «Первый разговор», отдельные стихи в ней носили отпечаток некоторой повествовательности, словно Гена повзрослел.

Обе книжки были хорошо встречены общественностью, и весной 1963 года за сборники стихов «Первый разговор» и «Звуки жизни» Геннадий был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР».

В 1963 году в Москве, в издательстве «Советский писатель» вышла еще одна книга его стихов «Сказание о Севере» в переводе известного русского поэта Николая Старшинова. Помню, как я отвозила ему подстрочники для этой книги, будучи в командировке в Москве. После расставания с Ю. Друниной, Старшинов женился на женщине из Прибалтики, у них родился ребенок, вроде все наладилось, но дом у него все равно был какой-то грустный. Николай хвалил стихи Гены, они пришлись ему по душе. Переводы стихов Геннадия, сделанные Старшиновым, – лучшие из всех.

Совершенно случайно в отрывном календаре за 1965 год на листочке за 17 апреля мы увидели стихотворение Гены «Коммунизм». Такая вот неожиданность. Стихи были взяты из его первой книжки на русском языке в переводах Николая Старшинова «Сказание о Севере».

Написанные для детей стихи, рассказы и сказки Гена проверял на маленькой Марине. Она была очень впечатлительной и часто такие «прогоны» заканчивались слезами, если героев обижали, или рассказы были страшными.

В 1964 году, когда на прилавках появилась книжка со сказкой Гены «Лесной дед и Миша». Марине было почти пять лет, она уже понимала, что такое книжные страсти, и не ревела, когда Гена читал ей «страшные» сказки, но когда он стал пересказывать ей эту, примерно на середине дочка его остановила: «Больше не надо». Зато вышедшая в следующем году книжечка «Чистая рубашка» ей очень понравилась.

В 1962 году Серафиму Алексеевичу Попову исполнилось 50 лет. В начале января следующего 1963 года в самом тогда вместительном помещении – читальном зале Республиканской библиотеки состоялся творческий вечер писателя. К этому юбилею Гена опубликовал в газете «Югыд туй» («Светлый путь») заметку о творчестве Попова.

* * *

В шестидесятые годы советских людей стали выпускать за рубеж по туристическим путевкам. Мы с Геной купили недельный тур в Финляндию. Попросили мою маму, чтобы она приехала из Архангельска побыть неделю с Мариной. Но накануне отъезда Гена вдруг заявил, что не поедет, а на вопрос «Почему? В чем дело?» – ответил: «Раздумал – и всё!». И уехал в Лемью. Только через несколько лет он рассказал, что накануне поездки его вызвали в КГБ и предложили стать осведомителем. Он, естественно, отказался, тогда было наложено «вето» на его поездку. Когда в годы перестройки у Гены появилась возможность ознакомиться со своим досье, он увидел на обложке «дела» резолюцию: «Вербовке не поддается». Я горжусь его удивительной порядочностью и чувством собственного достоинства, знаю, что многие, окружавшие нас люди, даже из тех, что считались нашими друзьями, были осведомителями и писали доносы на Геннадия, например, В.

О системе осведомителей знали все здравомыслящие люди. Когда я поехала на работу в Сыктывкар из Архангельска, мой дядя Павел Кренев, занимавший долгое время должность начальника Северного речного пароходства (в Великую Отечественную – генерал-директор тяги) попросил меня заехать к нему в Великий Устюг для разговора. Разговор-напутствие был таким:

– Может случиться так, что тебе будут предлагать сотрудничать с КГБ. Говори, что согласна работать, но только официально, пусть тебя зачислят в штат и выдадут форму. Такого заявления достаточно, чтобы тебя оставили в покое.

Я к тому времени уже знала о существовании этой категории людей. На нашем курсе химфака МГУ об одном студенте откровенно говорили, что он ходит на доклады к сотрудникам КГБ.

В филиале АН СССР в Сыктывкаре в отделе истории работал чрезвычайно образованный и умный Л.Л., но, к сожалению, сильно пьющий. Короткое время по приезде в Сыктывкар я жила в одной квартире с ним, и, будучи пьяненьким, он, помню, говаривал:

– Ты со мной не очень-то откровенничай, я ведь осведомителем работаю. А у вас в отделе геологии им трудится П. Ты с ним уж только о погоде говори, и больше улыбайся. Предупрежден – значит защищен.

Сейчас не всем понятно, что мы жили в такое сложное время, когда сущность событий была ясна, но говорить об этом не следовало.

* * *

Во время своих «вольных хлебов» Геннадий принимал активное участие в жизни Союза писателей Коми. В то время членами Союза писателей СССР были уже 15 человек: В. Юхнин, Ф. Щербаков, Я.М.Рочев, С. Попов, Г.А.Федоров, живший в Ухте Н. А. Володарский, критик А.А.Вежов, Г.А.Юшков, И. Изъюров, И. Вавилин, В. Журавлев-Печорский, В. Леканов, А. Льюров, Н. Фролов, В. Ширяев. А литературный актив при коми отделении оставался по-прежнему немногочисленным. Главными событиями этих лет были: Второй съезд коми писателей и Второй съезд писателей РСФСР, на котором Геннадий присутствовал как делегат. Как первому, так и второму съездам он посвятил статьи в республиканской печати.

В Правлении Союза писателей, которое в то время занимало небольшое помещение в Республиканской Библиотеке, он бывал ежедневно.

* * *

Через три года в нашем доме на Железнодорожной начали делать капитальный ремонт: стены уже осели и стало можно оштукатуривать его изнутри. Кроме того, у нас убрали деревянные плиты и поставили газовые, на улице для каждой квартиры установили баллоны, которые служба Горгаза меняла по мере их использования. Снаружи дом обшили вагонкой, покрасили в рыжий цвет, и он стал выглядеть совсем неплохо. Если бы еще водопровод и канализация, – тогда и мечтать больше было бы не о чем. (Я недавно проходила мимо этого дома – стоит, как прежде, только выкрашен теперь в темный серо-синий цвет). На время ремонта нам дали «переселенческое» жильё на Сысольском шоссе. Взяли мы с собой только самое необходимое, остальное оставили в сарае. Жить там было, конечно, не особенно удобно: далеко от работы и от детского сада, магазинов рядом нет.

И в это непростое для нас время мне предложили поехать стажироваться на месяц в Москву. На «семейном совете» было решено, что ехать надо, что Гена справится, как храбро решил он сам. И, действительно, справился. Одежду чистую я им оставила на месяц. Еду готовить не требовалось: Марина ест в садике, Гена – в столовой на работе, а вечером – хлеб, молоко, кефир.

Когда я вернулась, они выглядели очень веселыми. Оказывается, как потом признался Гена, трудно было приходиться домой к «пустому очагу», поэтому после работы и детсада они шли к кому-нибудь в гости, и чаще всего, чуть ли не каждый день, бывали в семье Голосовых. Они жили в самом центре Сыктывкара, там, где теперь стоит Горсовет, в таком же, как у нас, деревянном доме без «удобств», и у них была дочь Марина, почти ровесница нашей. Я вспоминаю эту замечательную семью как самых добрых и порядочных друзей.

* * *

Теперь хочется сказать ещё несколько слов о других друзьях Геннадия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.